

А. И. КОЗАЧЕНКО

ДРЕВНЕРУССКАЯ НАРОДНОСТЬ — ОБЩАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ БАЗА РУССКОГО, УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАРОДОВ¹

Воссоединение Украины с Россией в 1654 г. было подготовлено всей предшествующей историей русского и украинского народов, развитием между ними экономических, политических и культурных связей. Столетия обособленного существования этих народов не ослабили сознания единства их происхождения, близости языка и культуры; это сознание укрепляло их силы и решимость в борьбе за независимость, в борьбе за воссоединение. Вот почему изучение вопроса о единстве происхождения русских, украинцев и белоруссов имеет прямое отношение к истории воссоединения Украины с Россией и вызывает особый интерес в наши дни, когда многонациональный Советский Союз отмечает 300-летие этого знаменательного события в жизни украинского и русского народов. Правильное освещение вопроса о единстве их происхождения помогает борьбе против проявлений буржуазного национализма, содействует воспитанию советских людей в духе дружбы народов, советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

Великодержавные помещичье-буржуазные историки, как и украинские буржуазные националисты, и в этом вопросе фальсифицировали историю. Великодержавные историки отрицали существование трех восточнославянских народностей. Эти историки имели в виду вообще «русское население», его «размещение»; для них все восточные славяне составляли одно «русское племя», в котором можно было выделить только отдельные группы, более или менее в соответствии с тремя «наречиями» — великорусским, малорусским и белорусским².

Украинский буржуазный националист М. Грушевский, враг интернационализма и братского союза украинского народа с русским, стремился привить трудящимся массам Украины чувство вражды к русскому народу, идейно подчинить их классовым интересам помещиков и буржуазии. В своей статье «Звичайна схема «руської історії» й справа раціонального укладу історії східного слов'янства» Грушевский отвергал как «общерусскую» историю, так и «общерусскую» народность³. Он настаивал на том, чтобы исключить из истории русского народа киевский период, оторвать от нее историю Украины и Белоруссии, заявлял, что уже в период образования Киевского государства существовали три восточнославянских народа.

Не удовлетворившись отрицанием единой для всей древней Руси народности, М. Грушевский в другой своей статье — «Співні питання старо-руської етнографії» — заявил о существовании в прошлом особой

¹ Доклад, прочитанный 20 апреля 1954 г. на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР, посвященном 300-летию воссоединения Украины с Россией.

² См., например, П. Милюков, Очерки по истории русской культуры, ч. 1, М., 1918, стр. 45, 66 и др.; В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. 1, М., 1904, стр. 28, и др.

³ «Сборник статей по славяноведению», вып. 1, СПб., 1904.

группы украинских племен, из которых якобы образовалась украинская народность⁴. Несмотря на то, что к этому времени была уже известна синтетическая работа археолога А. Спицына о древнерусских племенах⁵, Грушевский, используя работы А. Шахматова⁶ и идя на открытую фальсификацию, отрицал не только существование древнерусской народности, но и единство восточнославянской племенной базы, из которой образовалась эта народность. Грушевский, как и другие украинские буржуазные националисты, заявлял о полной обособленности происхождения и развития украинского народа от русского. Он преувеличивал этнические связи Украины с Западной Европой, настаивая при этом даже на родстве украинцев с кельтами и германцами. В этом направлении Грушевский фальсифицировал и всю историю украинского народа, полностью отрывая ее от истории русского народа. Политический смысл подобного рода утверждений понятен.

Н. Я. Марр и его «школа», как известно, также игнорировали общность происхождения восточнославянских народов и их языков.

Советская историческая наука добилась в настоящее время определенной ясности в этих вопросах. За последние годы проблема древнерусской народности привлекает к себе все больше внимания. Опираясь на учение классиков марксизма-ленинизма о нации, русские и украинские советские историки выступили с рядом работ, связанных с историей восточных славян, древнерусской народности. В. В. Мавродину принадлежат первые попытки постановки вопроса о древнерусском народе⁷. П. Н. Третьяков своими работами по истории восточных славян, обобщенными в его труде, посвященном восточнославянским племенам, много сделал для решения вопроса о происхождении славян, положив начало выяснению истоков этнической истории славян Восточной и Средней Европы⁸. Б. Д. Греков специально проблемой древнерусской народности не занимался, однако освещение им таких вопросов, как, например, производительные силы, общественный строй восточных славян до образования Киевского государства, позволило исследователям приступить непосредственно к разработке проблемы древнерусской народности⁹. Б. А. Рыбаков положил начало исследовательской разработке отдельных вопросов данной проблемы. Именно он осветил вопрос о Руси, дал свое решение сложнейшего вопроса о складывании ядра древнерусской народности, а тем самым и об ее образовании¹⁰. А. Н. Насонов своим исследованием о «Русской земле» много сделал для выяснения вопроса об этнической территории древнерусской народности¹¹.

Попытки обобщить выводы исследователей по отдельным вопросам и решить проблему в целом сделали В. И. Довженок¹², а также составители «Истории Украинской ССР»¹³ и «Очерков истории СССР

⁴ «Сборник статей по славяноведению», вып. 1, СПб., 1904.

⁵ А. Спицын, Расселение древнерусских племен по археологическим данным, «Журнал Мин. нар. просвещения», 1899, VIII.

⁶ А. Шахматов, К вопросу об образовании русских наречий..., «Русский филологический вестник», 1894, и другие работы.

⁷ В. В. Мавродин, Основные этапы этнического развития русского народа, «Вопросы истории», 1950, № 4; его же, Историческая общность русского и украинского народов, «Славяне», 1954, № 3.

⁸ П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, изд. 2-е, М., 1953.

⁹ Б. Д. Греков, Киевская Русь, Л., 1953.

¹⁰ Б. А. Рыбаков, К вопросу об образовании древнерусской народности, Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК..., М., 1951; его же, Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина, «Вопросы истории», 1952, № 9; его же, Древняя Русь, «Советская археология», т. XVII, М., 1953.

¹¹ А. Н. Насонов, К вопросу об образовании древнерусской народности, «Вестник АН СССР», 1951, № 8; его же, «Русская земля» и образование территории древнерусского государства, М., 1951.

¹² В. И. Довженок, К вопросу о сложении древнерусской народности, «Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР», Киев, 1953.

¹³ «История Украинської РСР», т. I, Київ, 1953.

IX—XV вв.»¹⁴. В этих работах все еще наблюдается разное понимание сущности процесса, которое часто сводится к приписыванию народности только элементов трех признаков общности (языка, территории и культуры), не затрагивая вопроса об общности экономической, что нам кажется неверным. При попытках обобщения вопрос нередко фактически сводится к элементам культурной и отчасти языковой общности, с особым упором на развитие национального самосознания. Территориальная общность рассматривается преимущественно только в связи с древнерусской государственностью, причины распада древнерусской народности сводятся лишь к внешним условиям (завоевания) или к результатам феодальной раздробленности. Нам кажется также, что самый процесс образования народности нельзя растягивать на века и тем более приурочивать только к Киевскому государству. В истории народности следует иметь в виду и определенные этапы ее развития. Наконец, неожиданно проявилась тенденция отнести начало складывания трех братских народностей «еще со времени древней Руси», как об этом, например, говорят «Очерки истории СССР»¹⁵.

Все это убеждает нас в необходимости продолжить попытки обобщения в области истории образования и развития древнерусской народности.

* * *

Общеславянская языковая и этническая общность сложилась за много веков до нашей эры. Еще в I тысячелетии до н. э. в жизни славянского мира наметились чрезвычайно важные перемены. Славянские племена Средней и Восточной Европы подошли к заключительной стадии развития у них первобытно-общинного строя. Около VII в. до н. э. славянам стало известно железо, что сказалось на ускорении развития производительных сил. С железным веком у славян появилось специализированное ремесленное производство, особенно в металлургии, начался период напашенного земледелия и развитого скотоводства. С ростом производительных сил связан и рост торговли — внутриплеменной и межплеменной, а также и с более отдаленными краями.

Эти изменения в области производительных сил сказались вскоре не только на общественной и политической жизни, но и на этническом развитии славянского мира. С созданием условий для существования индивидуального производства появилась возможность возникновения и развития имущественного неравенства, эксплуатации человека человеком. Началось разложение первобытно-общинного строя у славян, началась ломка старых родоплеменных отношений и связей с заменой их территориальными.

В своем этническом развитии славянский мир также сделал большой шаг вперед. Если ранее шел процесс дробления и обособления этнических групп, сопровождавшийся развитием родовых и племенных языков, то теперь наметились тенденции к сближению и слиянию. Этот процесс прежде всего проявился в отношении групп родственных племен, частично сливавшихся друг с другом. На жизни и развитии славянских племен сказались и внешнеполитические условия: выступления кочевых племен, начиная с сарматов.

В первой половине I тысячелетия н. э. в славянском мире выделились группы западных и восточных славян, а с середины этого тысячелетия — и южных славян. Уже на рубеже нашей эры население бассейнов Днестра, Прикарпатья, среднего Днепра, а также бассейнов Вислы и

¹⁴ «Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.», I, М., 1953, стр. 251—258.

¹⁵ Там же, II, М., 1953, стр. 557.

Однородная культура, связанная с «полями погребений», или «полями погребальных урн». И все же что были уже две, хотя и близкие друг другу, но обособленные племенные группы. Восточную группу составляли племена, занимавшие территорию между верховьями Днестра и средним Днепром, до верховьев Донца, доходя на севере до верховьев Днепра, Оки и Волги. В этом процессе этнической консолидации на востоке Европы, начавшемся в I тысячелетии до н. э. и продолжавшемся в I тысячелетии н. э., ведущую роль играли племена южной группы.

Современникам и авторам-византийцам середины I тысячелетия н. э. группы славянских племен были известны под названием антов и склавинов. О близости, родстве этих народов говорят как археологические данные, так и письменные свидетельства современников¹⁶. И все же в рамках каждой из указанных двух групп наметился ряд особенностей в культуре и языке, отличавших эти группы.

Влияние группы более развитых южных племен на востоке Европы скоро сказалось и на культуре и быте славянских племен верхнего Поднепровья. Об этом говорят археологические находки культуры «полей погребений» на Припяти у Турова (Казаргац), у Пинска и другие, а также на Днепре в районе Речицы и т. д. Кроме «полей погребений», на близость верхнеднепровских племен к южным указывают глиняная посуда с темной вылощенной поверхностью и изделия из металла. Севернее и северо-восточнее встречаются «длинные курганы», близкие «полям погребений», а также округлые курганы, которые, по мнению П. Н. Третьякова, есть все основания отнести к первым векам н. э., а может быть и к последним векам до н. э.¹⁷ В первые века н. э. на севере появились изделия среднеднепровского происхождения, «экономические связи среднеднепровских племен с их северными соседями особенно укрепились»¹⁸. В это время славяне верхнего Поднепровья продвинулись уже несколько к северу, до бассейнов Чудского и Ильменского озер.

Анты, составлявшие южную группу племен восточных славян, на последнем этапе борьбы против Византийской империи периода «великого переселения народов» — в VI — начале VII в. — вместе со склавинами выступили как главная сила.

Балканские войны VI в. в свою очередь сказались на развитии славян. Они «привели к сплочению славянских племен, ускорили в их среде распад первобытно-общинных порядков. Именно здесь, в этом бурном периоде славянского прошлого, лежат начала классового устройства у славян, сюда восходят первые побегии славянской государственности»¹⁹.

Известны выводы наших исследователей в отношении уровня социально-экономического, политического и культурного развития антов, показывающие, что племена антов фактически составляли уже политические объединения территориальных общин, имели характер государственных образований. Названия этих племен менялись, часто определялись наименованием места, территории расселения, и только название «анты» было для них более или менее общим. Иордан указывал, что «хотя названия их изменяются теперь в зависимости от различных племен и местностей, однако главным образом они именуются склавинами и антами»²⁰.

У антов и склавинов было уже сознание того, что их земля является общим отечеством, было сознание общности. Менандр приводит ответ славянского вождя князя Добрита аварам. Добрит с гордостью указывал на непобедимость «силы нашей»: «не другие наша земля, —

¹⁶ Прокопий, Готская война, III, 14, 22; Маврикий, Стратегикон, XI, 5. Авторы VI в. н. э. цитируются по журналу «Вестник древней истории», 1941, № 1.

¹⁷ П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, стр. 126.

¹⁸ Там же, стр. 127.

¹⁹ Там же, стр. 142.

²⁰ Иордан, О готах, III, 34—35.

говорил он,— а мы чужою привыкли обладать»²¹. Анты и склавины совершали грандиозные военные походы, требовавшие тщательной и сложной подготовки, поддерживали дипломатические сношения, заключали союзы с Византией и т. п. Антов, как и склавинов, объединяли одна религия, сходство быта и нравов. «У тех и других один и тот же язык»,— отмечали византийские авторы²².

Все эти признаки дают основание полагать, что анты представляли собою первую народность восточных славян на заре классового общества.

Известно, что в начале VII в. наименование «анты» исчезает (последнее упоминание о них имеется под 602 г. у Феофилакта Симокатты). Следует думать, что произошел распад молодой народности антов. П. Н. Третьяков, усматривающий в объединении антов только государственный характер, полагает, что «очевидно такие события, как расселение славян на Балканах, славянские походы на Средиземном море, основание первых славянских государств на Дунае и возникновение в VII в. дулебско-волынського государственного объединения племен — «Валинаны»,... привели антское объединение к распаду...»²³ Конечно, все отмеченные П. Н. Третьяковым явления могли содействовать распаду народности антов. Однако нельзя упускать из виду слабость, непрочность элементов общности, внутреннюю неустойчивость этой молодой народности на том этапе социально-экономического развития восточных славян. Так или иначе, но к началу VII в. восточные славяне сделали новый шаг по пути своего этнического развития.

* * *

Истоки процесса образования новой древнерусской народности следует искать в Поднепровье. Успехи социально-экономического развития восточных славян с образованием Киевского государства обеспечили и внутреннюю прочность древнерусской народности. Производственную и социально-экономическую основу этого процесса составляли усовершенствования в области земледелия, развитие ремесла и товарного производства на территории всех восточнославянских племен с распадом первобытно-общинного строя, возникновением и развитием у них феодальных отношений и первых государств.

Многие явления киевской жизни X—XI вв., как справедливо отмечал Б. А. Рыбаков, «уходят корнями в антскую эпоху: земледелие, скотоводство, рабство, сожжение рабынь на могиле князя, пополнение сокровищ и т. д. Киевские князья X в. говорили на том же языке, что и анты в VI в., верили в того же Перуна, плавали на тех же «моноксилах» и по тем же старым антским путям...»²⁴ Эта близость и до некоторой степени связь и преемственность между антами и Русью дали основания Б. Д. Грекову отождествить антов и росов VI в. Однако, нам кажется, следует согласиться с выводом П. Н. Третьякова о том, что анты и древние росы — не одно и то же. «Анты и росы = русы,— пишет П. Н. Третьяков,— это как бы две волны вступающего в политическую историю восточного славянства: первая — охватившая преимущественно юго-западную часть славянских племен восточноевропейской равнины и вбиравшая в себя лишь отдельные восточные и северные элементы, и вторая — более могучая, возглавляемая росами и представлявшая сначала юго-восточные славянские племена, а позднее и всю огромную массу восточных славян»²⁵.

²¹ М е н а н д р, История, отрывок 36.

²² П р о к о п и й, Готская война, III, 14, 22; М а в р и к и й, Стратегикон, XI, 5.

²³ П. Н. Т р е т ь я к о в, Указ. работа, стр. 206.

²⁴ Б. А. Р ы б а к о в, Анты и Киевская Русь, «Вестник древней истории», 1939, I, стр. 337.

²⁵ П. Н. Т р е т ь я к о в, Указ. работа, стр. 217.

И действительно, если ко времени выделения группы восточных славян и складывания народности антов восточнославянские племена можно было по уровню их развития разбить на два района — юго-западный, более развитый район, населенный антами, и остальной, к северу от него, более отсталый, то к VII в., когда происходит распад первой известной нам восточнославянской народности — антов, среди восточных славян определилась новая, более развитая группа племен — на юго-востоке. Здесь и составилось новое этническое ядро, вокруг которого и сложились древнерусская народность. Это ядро создали русы.

Б. А. Рыбаков в своих последних работах проследил на археологическом материале процесс складывания ядра древнерусской народности, впервые дал историю русов. В своем исследовании «Древняя Русь», опубликованном в 1953 г., Б. А. Рыбаков установил, что территорией Руси в узком смысле слова было пространство от Киева до Курска, этот край по II—V вв. входил в широкую область «полей поребений», составлявшая ее юго-восточную часть. Б. А. Рыбаков уже для IV—VII вв. устанавливает в археологических данных на этой территории «известное сходство: двуглавые антропоморфные и зооморфные фибулы (сосуществующие с более широко распространенными пальчатыми фибулами), «уши» головных уборов, огромные спиральные височные кольца и устойчивый тип знаков собственности на поясах»²⁶.

Территория эта ограничивалась р. Росью, ее притоком Россавой, Днепром у устья Тясмина и отчасти по р. Суле. Это была территория славянского племени русов = росов. Центр племени находился в устье р. Роси. Здесь на месте городища Княжева Гора, как полагает Б. А. Рыбаков, существовал древний город Родня; здесь вблизи был и другой крупный центр русов = росов — Пастерское городище.

В IV—V вв. росы — одно из сильных и активных антских племен. Социально-экономическое развитие, усиление этого племени, а также успешная борьба с внешними врагами позволили ему в VI—VII в. превратиться в союз племен, сохранивший племенное название росов. От VI в. до нас дошло первое упоминание этого названия. По мнению Б. А. Рыбакова, в союз росов входили племена росов (русов) и северян, которые и составили ядро этого племенного союза, а позже, возможно, примкнули и поляне, и днепровские уличи. Этот союз устоял в борьбе с внешними врагами — аварами, болгарами и хазарами, преградив им путь на север. В VI—VII вв. на территории союза племен русов начала обособляться народность «с общей с незначительными оттенками культурой на пространстве от Киева до Воронежа»²⁷. Остальные восточнославянские племена, к северу от росов, в VII—VIII вв. также достигли серьезных успехов в своем социально-экономическом развитии. У них зарождаются феодальные отношения, и к IX в. эта группа политически была включена в орбиту русского союза племен. К IX—X вв. у восточных славян наряду с их племенными диалектами уже сложился единый язык народности; наряду с пережиточно сохранявшимися особенностями в быту и культуре существовала единая восточнославянская культура. Летописные «племена» восточных славян фактически были территориальными образованиями, возглавлявшимися племенными князьями, васалами киевского князя. Однако все эти «племена» составляли одно государство, их территория — единую государственную территорию, за которой к концу IX — началу X в. закрепилось название «Русская земля», «Русь». До вхождения в состав Руси эти «племена», возможно, являлись уже «небольшими народностями»²⁸. К IX—X вв. сложилась и древнерусская народность, выросшая из ее русского ядра и включившая в себя всех восточных славян, их «племена».

²⁶ Б. А. Рыбаков, *Древняя Русь*, стр. 99.

²⁷ Там же, стр. 102, 104.

²⁸ И. И. Гретьяков, *Указ. раб.*, стр. 228.

* * *

Начальная стадия в истории народности, стадия ее образования, как результат появления новой этнической общности, на смену родо-племенной предполагает прежде всего наличие элементов языковой и территориальной общности.

Выше говорилось, что изменения в производстве наметились, определились и стали развиваться раньше у южной группы восточных славян, у которых начало пашенного земледелия, появление и развитие ремесла видим еще накануне нашей эры. Эти изменения развились и окрепли в первые века нашей эры, а с VII—VIII вв. распространились и на северные славянские племена. Вот в это-то время должны были начать отражаться и в языке восточных славян изменения в производстве — «сразу и непосредственно», ибо с этим связано было существование и развитие самого производства²⁹.

Общеславянское языковое родство было той почвой, которая облегчила установление языковых связей между восточными племенами³⁰. Язык восточнославянской народности, указывает П. Я. Черных, хотя и не был абсолютно одинаков и варьировал по племенам и родовым общинам, все же характеризовался целым рядом общих для всех племенных диалектов черт в произношении, в формах склонения и спряжения и пр. Возвышение Киева, ставшего «матерью градов русских», центром Киевского государства, также способствовало развитию молодого общенародного языка восточных славян³¹.

Развитию общенародного языка способствовало и появление классов, которое у восточных славян наблюдается с VI—VII вв. Возникновение таких слов, как, например, «холоп», «челядь», «закуп», «смерд», «господин», следует отнести к началу классового общества.

Исключительное значение для развития общенародного разговорного языка, по учению И. В. Сталина, должно было иметь появление письменности. Новейшие изыскания советских археологов показывают, что письменность и грамотность были безусловно известны на Руси и получили относительно широкое распространение среди городской, в особенности ремесленной массы еще до X в., т. е. задолго до так называемого крещения Руси. Имеются все основания отнести появление письменности на Руси к VII—VIII в., т. е. к началу классового общества у восточных славян. Это соответствует и указаниям классиков марксизма, которые, как известно, связывают возникновение письменности с началом классового общества.

Письменность сыграла важную роль в развитии у восточных славян языковой общности. Должен был зародиться литературный язык, и он скоро возник в древней Руси. Базой этого литературного языка мог быть только окрепший разговорный язык восточных славян, хотя, конечно, древнерусский литературный язык не мог остаться без влияния и со стороны старославянского языка.

Для укрепления и развития общенародного языка имеет значение, по учению И. В. Сталина, «зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке»³². Такие политические объединения у восточных славян, как Славия, Куявия и Артанія, при наличии классов и письменности должны были использовать переписку для нужд управления и внешних сношений. Развитию языка в это время должна была способствовать и торговля, которая еще более, чем государство, нуждалась в упорядоченной переписке. Найденная кор-

²⁹ См. И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 11.

³⁰ См. П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, М., 1952, стр. 43.

³¹ См. П. Я. Черных, Язык и письмо, «История культуры древней Руси», II, М.—Л., 1951, стр. 120—121.

³² И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26—27.

чага с надписью, сделанной ремесленником для заказчика-купца начала X в.³³, является наглядным свидетельством того, насколько действительно торговля у восточных славян нуждалась в письменности. Применение переноски в расширяющейся торговле восточных славян должно было тоже способствовать развитию их разговорного языка.

Одновременно с элементами новой языковой общности у восточных славян появляются и развиваются элементы новых территориальных связей. Это было вызвано теми изменениями, которые произошли в социально-экономической жизни племен. Прекратились массовые передвижения племен или племенных групп. Они окончательно оседают, осваивая данную территорию. Появление и развитие собственности на землю, переход к пашенному земледелию сыграли важную роль в этом отношении. Господство пашенного земледелия вело к укреплению связей населения с освоенной территорией.

Эта перемена в экономической жизни восточного славянства вызвала и серьезные перемены в быту. В данном случае мы имеем в виду производственное закрепление населения за определенной территорией, установление прочной связи с ней. Освоенная таким образом восточными славянами территория была их этнической территорией, не разделяемой какими-либо природными преградами или этнически инородными массами, которые могли бы мешать длительной совместной жизни и регулярным общением как внутри «племени», так и внутри всей древней Руси. Действительно, именно такой была территория восточных славян от Финского залива до устья Днестра и Дуная, от Карпат до Оки и Дона.

На смену родовой общине у восточных славян появляется и развивается сельская территориальная община («вервь»). Экономическую основу этой общины составляло пашенное земледелие. Сельская территориальная община стала повсеместно господствовать в общественной жизни восточных славян. С появлением класса феодалов-землевладельцев эта община развивалась — ведь феодалы, как писал Ленин, принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами³⁴.

Наряду с новыми отношениями в среде сельского земледельческого населения необходимо отметить и роль ремесла, обмена и городов в развитии новых территориальных связей. Новгород, Киев, Смоленск, Ладога, Псков, Чернигов, Изборск и многие другие города появляются именно в это время.

Появление и развитие городов, ремесел, обмена, начало процесса отделения города от деревни, ремесла — от сельского хозяйства, возникновение, укрепление и расширение местных рынков, — все эти явления тоже имели отношение к развитию новых территориальных связей у восточных славян. Если в сельской общине хотя бы в пережитках должны были еще существовать родовые связи, то в городах этих пережитков не было; здесь территориальная общность населения основывалась на производственных связях, чему также весьма содействовало языковое родство выходцев из разных восточнославянских племен, селившихся в городах. Города способствовали росту территориальной устойчивости населения, которое постепенно начинало группироваться вокруг городских поселений, с ними связывалось и к ним постоянно тяготело.

Объединение населения по территориальному признаку сказывалось также и в постоянной утрате старых (летописных) племенных названий: они замещались новыми — областными, в основе которых лежали названия городских центров (киевляне, новгородцы, полочане и др.). Города становились не только центрами местной хозяйственной жизни, но и местными политическими и религиозными центрами.

³³ Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров, Древнейшая русская надпись, «Вестник АН СССР», 1950, № 4.

³⁴ См. В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 137.

В дальнейшем исторические условия способствуют не только развитию элементов языковой и территориальной общности, но и появлению других, тоже новых элементов культурной и, наконец, экономической общности.

Сознание общности имелось у восточнославянских племен и прежде. Однако это было сознание родоплеменной общности, основанное на родовых связях. Новым явилось осознание своей принадлежности к одной, общей, древнерусской народности. Национальное самосознание находит свое проявление прежде всего в патриотизме, в общем самоназвании, в признании отечества; появляются национальные особенности народа, включающие и этнографические особенности, скрепленные общим языком народности.

Не все названные признаки возможно конкретизировать для времени до образования Киевского государства. Однако все же некоторыми данными мы располагаем.

Византийский патриарх Фотий подтверждает, что в 860 г. росы совершили дотоле невиданный по силе поход на столицу Византийской империи. Фотий признает, что поход свой росы предприняли в ответ на вероломную расправу в Константинополе с их соотечественниками — «за умерщвление их соплеменников». Фотий всех участников этого похода определяет как один народ — рос.

Появление понятия «Русь» в применении к населению и территории не только в узком смысле — в отношении Поднепровья, но и затем в отношении всех восточных славян отражало наличие и развитие у них элементов психической общности. Конкретные данные по этому вопросу приведены в работе М. Н. Тихомирова «Происхождение названий „Русь“ и „Русская земля“»³⁵, в труде Б. Д. Грекова «Киевская Русь», а также в названных выше работах Б. А. Рыбакова.

Русь для восточных славян, консолидированных в одну древнерусскую народность, стала теперь отечеством, под которым, по В. И. Ленину, понимается «данная политическая, культурная и социальная среда»³⁶. В этой среде стал жить, трудиться и бороться молодой древнерусский народ.

У племени отечества еще не могло быть, там общность и среда определялись родовыми связями. Иное дело на Руси. Здесь с новой общностью, в новых исторических условиях интересы новой исторической среды становились близкими всему народу, а не только кругу лиц, связанных родством.

Интерес к общему прошлому проявляется у восточных славян с началом классового общества, с образованием древнерусской народности. В это время, пишет Б. Д. Греков, «определенный круг песен имел и значение истории... Главная задача устного творчества на исторические темы — это сохранение в памяти народа героев, их имен и подвигов»³⁷.

Археологические и иные данные позволяют со всей определенностью говорить и о культурно-бытовой общности, проявившейся в хозяйстве, семейном и общественном быту и обычаях, в народном творчестве и т. п. Особенности в быту в VII—IX вв., развиваясь, становятся характерными на всей территории расселения народа. Не повторяя аргументации, скажем словами П. Н. Третьякова, что «в VII—IX вв. не только на юге, но и в центральных и северных областях постепенно складываются такие формы сельского славянского быта, какие были характерны для ряда последующих столетий»³⁸. Конечно, при этом должны были сказаться и местные естественно-географические условия.

³⁵ М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля», «Советская этнография», Сб. VI—VII, М.—Л., 1947.

³⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 171.

³⁷ Б. Д. Греков, Киевская Русь, Л., 1953, стр. 400.

³⁸ П. Н. Третьяков, Указ. раб., стр. 271.

И. П. Третьяков отмечает, что типичная для восточных славян лесной полосы рубленая изба имела печку-каменку у задней стены. В основном это уже было то русское жилище — «черная изба», которое под таким названием продолжало существовать до XX в. Вместе с тем на юге, например в Киевской земле, уже с VI в. существовали жилища «прямоугольной формы», с глинобитными стенами и печами — прообраз украинской хаты. В дворах Ладоги видим сочетание избы, клети, хлева, житницы и т. д.³⁹

Археологические раскопки Старой Ладоги рисуют картину несложного бытового инвентаря, домашней утвари VIII—IX вв. Это главным образом самодельные изделия из дерева: ковши, ложки, ведра, боченки, коробы, сшитые из луба и бересты, ткацкий стан и т. д. И эти предметы на века вошли в быт, составили этнографическую особенность русского крестьянина.

В одежде древнеруса, как мужской, так и женской, обязательной принадлежностью являлись украшения. Таковы застежки и пряжки, подвески трапециевидной формы, браслеты и перстни. Б. Д. Греков отмечает, что распространение подобных изделий (например, лучевых фибул, лунниц, спиралей, браслетов и др.) на большой восточнославянской территории «не случайность, а результат общности культуры». «VI—VII века, — делает вывод Б. Д. Греков, — это время выявления собственной оригинальной восточнославянской, иначе антской или русской, культуры»⁴⁰.

В обычаях и верованиях восточных славян мы также наблюдаем ряд новых явлений. Старый, родовой общественный строй и в области обычаев и верований напоминал о себе только в пережитках, из которых выветривалось бывшее содержание. Таков, например, обычай родовой мести, о котором говорит древнейшая часть «Русской Правды», относящаяся примерно к VIII в.

Вполне закономерно наметились изменения и в религиозных представлениях древнерусов. В это время родился и начал развиваться новый базис, базис феодального строя, которому служила и новая надстройка.

Известно, что христианство появилось у восточных славян задолго до X в. Следует, однако, подчеркнуть, что этот процесс имел весьма важную особенность, которая начала проявляться с первых же веков бытования христианской религии на Руси. Эта особенность заключалась в «обрусении» христианства, которое «оказалось в конечном счете не византийским и не римским, а русским». Христианские представления из городов начали проникать в народные массы села, сливаясь во многом со старыми, языческими представлениями. Так возникла новая, «синкретическая вера, явившаяся результатом претворения христианства в русской народной среде, иначе — его обрусение»⁴¹. Эти этнографические особенности верований восточных славян начали складываться в условиях перехода к классовому обществу и государству, с образованием древнерусской народности.

Этнографические особенности наиболее прочно укреплялись и развивались именно в массе крестьянства, составлявшего при полном господстве натурального сельского хозяйства подавляющее большинство населения страны и самой русской народности. Элементы языковой, территориальной и других общностей прочной базой своего сохранения и развития имели прежде всего основной класс-производитель феодального времени — древнерусское крестьянство. Вот почему именно класс крестьянства с его появлением на Руси составил связанный

³⁹ В. И. Равдоникас, Старая Ладога, «Советская археология», XII, 1950.

⁴⁰ Б. Д. Греков, Киевская Русь, стр. 378.

⁴¹ Там же, стр. 392, 395.

с земель широкий устойчивый слой, явившийся остоном древнерусской народности.

* * *

С образованием древнерусской народности элементы устойчивых общностей начали развиваться, а вместе с этим начался и длительный процесс развития народности в нацию. Ф. Энгельс, рассматривая процесс консолидации средневековых народностей в буржуазные нации, указывает, что «этот стихийный процесс» был уже силен в IX в. во всей Европе⁴². Образовавшаяся в VII—VIII вв. на востоке Европы древнерусская народность была крупнейшим в Европе народом, который освоил и обеспечил развитие производительных сил на огромнейшей территории — от Ладожского озера до Черного моря, от Карпат до Донца.

Древнерусская народность просуществовала более полутысячелетия, до конца XIII в. В истории этой народности мы можем установить несколько периодов. Время VII—IX вв. составляет период образования и начала развития древнерусской народности, X — первая половина XIII в. — период расцвета и дальнейшего ее развития, XIII век (его вторая половина) — время распада древнерусской народности. Попытаемся проследить ее этническое развитие в X—XIII вв. по основным признакам общностей, начиная с языковой.

Когда разложился родоплеменной строй и образовалось Киевское феодальное государство, когда сложился и язык новой древнерусской народности, следы племенных языков еще долго сохранялись, особенно среди сельского населения. Эти пережитки племенных языков с выделением областей (земель, княжеств) в условиях обособленного существования новых политических единиц могли содействовать образованию территориальных диалектов.

Территориальные диалекты древнерусской народности вполне определились к XII в., т. е. ко времени развития феодальной раздробленности. Таковы были диалекты новгородский, псковский, смоленский, галицко-волынский и другие. В тех областях, которые возникли на вновь заселенной или имевшей ранее иноязычное население территории, тоже шел процесс складывания областных диалектов со своими языковыми особенностями. Однако образование и развитие территориальных (областных) диалектов в древней Руси шло одновременно с развитием языковой общности древнерусского народа. Существовал и развивался язык, единый для всего населения древней Руси, на котором говорили, понимая друг друга, как эксплуататоры-феодалы, так и эксплуатируемые массы.

В языке древнерусского народа с IX в., с образованием Киевского государства, и до середины XIII в. произошел ряд изменений. Этому способствовали и новые исторические условия, в которых происходили эти языковые переживания.

После официального принятия христианства, с установлением и расширением культурных связей с Византией и другими народами, в особенности со славянскими, письменность на Руси получает возможность широкого распространения, особенно в крупных городских центрах. В это время на развитие древнерусского разговорного языка оказывал влияние молодой литературный язык, сложившийся на народноречевой восточнославянской основе. Одновременно существовал и старославянский книжный язык, который тоже подвергался воздействию со стороны разговорного языка древнерусского народа.

Существование двух литературных языков, общавшихся с разговорным древнерусским языком, в свою очередь обогащавших и язык народ-

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 444.

ности, говорило о бурном развитии языковой общности в древней Руси с IX—XI вв. «Слово о полку Игореве» — литературный памятник Руси конца XII в. свидетельствует о силе влияния разговорного древнерусского языка на литературный язык, доказывает успехи в развитии языковой общности.

Образование и укрепление Киевского государства, развитие древнерусской государственности, а с переходом к феодальной раздробленности — появление новых многочисленных экономических и политических центров, — все это вызывало усиление потребности в более или менее упорядоченной переписке на Руси. Точно так же и рост торговли требовал расширения переписки. Все это должно было способствовать дальнейшему развитию языка древнерусского народа.

Основной словарный фонд древнерусского языка пополнился новыми словами. С этого времени в языке исчезают такие слова, как «княжие мужи», «детские», или «отроки», «гридь» и другие. Появился и прочно укрепился ряд таких социальных терминов, как «князь», «боярин», «дворянин», «гость», «купец», «слуги дворовые», «крестьянин», «холоп» и другие; исчезают такие слова, как «полюдые». «Южные по происхождению слова, — пишет П. Я. Черных, — получили широчайшее распространение и стали употребляться в письменности не только на юге, но и на севере, в Новгороде, в Пскове, а также в Смоленске и других древнерусских городах»⁴³.

Общение древнерусского народа с другими народами содействовало некоторому обогащению словарного фонда древнерусского языка. Следует отметить, что в древнерусский язык перешло лишь незначительное число норманских слов («вира», «гридь»), но и те к XIII в. почти все вышли из употребления. Вместе с тем и из древнерусского языка перешло в другие языки, в частности в западные (шведов и др.), и удержалось в них значительное количество древнерусских слов.

Таких успехов достигло развитие древнерусского языка, а с ним и элементов языковой общности древнерусской народности, за время с конца IX до XIII вв.

Дальнейшее развитие получили и элементы территориальной общности. Территориальные связи древнерусского народа за это время значительно выросли и окрепли. Сельская территориальная община получает свое дальнейшее развитие. Сам термин «вервь» сменяется более поздним «мир». Это не простая смена названий. Если в «верви» мы видим еще преимущественно потомков членов патриархального рода, то «мир» объединяет уже просто жителей данного поселения, среди которых, наряду с родственниками, могли быть выходцы и из соседних общин, из других земель, иногда даже иноземцы. Процесс развития «верви» в «мир» вполне определился в Киевском государстве, в особенности к XII в. Статья «Русской Правды» о «дикой вире» показывает этот процесс. В «миру» — общине отношения основывались уже полностью на частной собственности, свободно развивались классовые противоречия и классовая борьба. Эти новые отношения теперь определяли и связь населения с одной территорией, и передвижение его (навсегда или временно) на другую территорию. Выходцы из сел составляли основную массу производительного населения города. Никаких признаков родовых связей здесь уже не могло быть. Города начинали выступать как экономические и политические центры земель, областей, княжеств. Производство ремесленных изделий, их сбыт населению города и прилегающих к нему сел — вот что определяло экономическое содержание территориальных связей новых центров с их землями, княжествами. Вместе с тем отделение города от деревни и противоположность между ними не ослабляли элементов территориальной общности, а, наоборот, усиливали их.

⁴³ П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, стр. 290—291.

Феодалная раздробленность, развившаяся в древней Руси, также не ослабляла элементов территориальной общности в стране. На данном этапе она еще содействовала укреплению феодального характера территориальных связей, не вступая в противоречие с ростом города, с развитием ремесла и торговли.

Мощный этнический массив древнерусского народа в IX—XIII вв. осваивал, продолжая расширять и закреплять как свою этническую территорию, колоссальные пространства Восточной Европы. Границы древней Руси в первой половине XIII в. четко обозначены в «Слове о погибели Рускыя земли», которое М. Н. Тихомиров датирует 1225 г. и автора которого он ищет в Новгороде: «Отселе до угор и до ляхов, до чахов, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немецъ, от немецъ до корелы, от корелы до Устьяга, где тамо бяху тоймици погании и за дышючим морем, от моря до болгарь, от болгарь до буртас, от буртас до черемис, от черемис до мордвыи»⁴⁴.

Так обстояло дело с элементами устойчивой территориальной общности.

Укреплению языковых и территориальных связей способствовал и рост культуры в древней Руси. В IX—XIII вв. Русь достигла исключительных успехов в развитии своей культуры. О расцвете древнерусской художественной и политической литературы свидетельствует такой выдающийся памятник, как знаменитое «Слово о полку Игореве», написанное около 1187 г. Коллективностью устного народного творчества как его основная черта способствовала созданию, укреплению и развитию элементов культурной общности в народе. Мы не будем останавливаться на этом вопросе, освещенном в известном труде Д. С. Лихачева «Возникновение русской литературы»⁴⁵, в «Истории культуры древней Руси» и «Очерках по истории СССР».

Искусство в его различных формах в древней Руси вскоре достигло высокого уровня. О расцвете древнерусского зодчества уже в первой половине XI в. говорят такие выдающиеся памятники, как храмы Софии в Киеве и Новгороде. Живопись, в особенности фресковая, музыка, песни, танцы также отмечены высоким уровнем развития. В истории культурной жизни древнерусского народа переход к феодальной раздробленности отмечен новым подъемом. Об активной культурной местной жизни говорят памятники различных земель в XI — начале XIII в. В Ростово-Суздальской земле уже в третьей четверти XII в. возникает свое летописание, в котором, наряду с повышенным вниманием к своему краю, сохраняется интерес и к жизни всего древнерусского народа.

Культурный рост древнерусского народа способствовал развитию элементов культурной общности. Дальнейшее развитие получает национальное самосознание в его различных проявлениях — важнейший признак культурной общности в древнерусском народе. Самоназвания «Русь», «Русская земля» прочно вошли в сознание всего древнерусского народа. Национальное самосознание получает свое дальнейшее развитие с появлением чувства национальной гордости.

«Повесть временных лет» IX в., интересуясь историей своей родины, ищет ответа на вопрос: «Откуда есть пошла Русская земля?»⁴⁶. Автор летописи, сын древнерусского народа, думает о нем как о народе в целом, имеет в виду родину, а не просто какую-то ее часть, край, отдельную землю. Народное устное творчество, как известно, легло в основу

⁴⁴ «Памятники древней письменности», 84, 1892; М. Н. Тихомиров, Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли»? Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР, т. VIII, 1951; Б. А. Рыбаков, Схематическая карта населенных пунктов домонгольской Руси, «История культуры древней Руси», т. I, М., 1948, стр. 31.

⁴⁵ Д. С. Лихачев, Возникновение русской литературы, М., 1952, стр. 26—27.

⁴⁶ «Повесть временных лет», ч. 1, 1950, стр. 52.

этого выдающегося памятника культуры древней Руси; применение летописью в национальных рамках определения «Русь», «Русская земля», «Русские люди» отражало наличие национального самоназвания и самосознания у древнерусского народа. Этот же смысл указанных терминов отражают и произведения современника древнейшего свода «Повести временных лет» — митрополита Иллариона. Устанавливая место своей родины, своего народа среди стран и народов мира, Илларион прямо отмечает, как национальное, название «земли Русьской». В конце своего «Слова о законе и благодати» автор призывает помолиться о земле Русской, о ее народе⁴⁷. Нет сомнений в том, что в отношении национального самоназвания и самосознания древнерусского народа середина XI в. — это время нового подъема.

Безусловно, еще более высокого уровня развития национальное самоназвание и самосознание достигают во второй половине XII в. Этот высший этап нашел свое отражение в «Слове о полку Игореве». Автор имеет в виду родину — Русскую землю во всем ее географическом и политическом многообразии: это и Дунай, и Киев, и Новгород, и Путь, и куряне, и Полоцк, и Тмутаракань, и Галич с Карпатскими горами, и Владимир на Клязьме и т. д.

С укреплением и расширением национального самосознания связано также развитие понятия «отечество». Та политическая, культурная и социальная среда, которая сложилась у восточных славян в VI—VIII вв., с образованием древнерусской народности, придя на смену среде, основанной на родовых связях, в IX—XIII вв. значительно окрепла. В этой среде уже не оставалось никаких признаков прежнего родоплеменного строя. Она, эта среда, определяла теперь положение, интересы и направление жизни всего народа.

Расцвет культуры древнерусского народа в новых исторических условиях обеспечил также и упрочение культурной среды. На ней сказались классовое деление общества и классовый характер этой культуры, прежде всего в той ее части, достижениями которой мог пользоваться только господствующий класс феодалов. Однако поднялся и культурный уровень народа в целом; об этом говорят, например, переход к трехполью, распространение письменности на Руси и т. д. Произошли и прочно вошли в жизнь народа, как его национальные особенности, новые явления в быту и культуре. Получил свое дальнейшее развитие язык древнерусской народности. Все это укрепляло и культурную среду, как составную часть отечества.

Беспокойство о судьбе отечества, горячие пожелания его успешного развития и процветания звучат в «Слове» митрополита Иллариона. Великая идея Родины, чувство Родины, ощущение ее как среды в целом у древнерусского народа нашли свое наиболее сильное выражение в «Слове о полку Игореве».

Если в произведениях Иллариона, летописца и других создан был «торжественный и героический образ Русской земли», то со второй половины XII в. этот образ представляется живым, страдающим от крамолы и внешних врагов существом⁴⁸. Это — свидетельство и того, как окрепло в народе сознание принадлежности к общему отечеству, как выросло национальное самосознание древнерусской народности, какой силы, прочности оно достигло к концу XII — началу XIII в. С этим связано и развитие чувства патриотизма в древнерусском народе. Наличие обособленного, с отстоявшимися политическими и этническими границами отечества, упрочившегося за века своего существования, должно было содействовать развитию в народе такого глубокого чувства, каким является чувство патриотизма, этого, по выражению Ленина, одного

⁴⁷ «Памятники древнерусской церковно-учительской литературы», под ред. А. И. Пономарева, в. 1, СПб., 1894.

⁴⁸ См. Д. С. Лихачев, Национальное самосознание древней Руси, 1945, стр. 61.

«из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств»⁴⁹. Народ в поэтических образах воспел героев-патриотов, именно теперь создав идеал борца-героя, народного богатыря. В образах былинных богатырей отразились лучшие национальные черты самого народа. Устное творчество помогло сохранить в памяти народа факты проявления патриотизма, воспитывать и развивать в новых поколениях лучшие национальные традиции.

Чувство патриотизма находило свое проявление в русских людях независимо от того, где приходилось жить, трудиться, бороться. Чувство это при наличии общей социальной, политической и культурной среды сплачивало со всем русским народом и переселенцев во вновь осваиваемых районах Северо-Восточной Руси и Рязанского пограничья, вызывая в них готовность участвовать в святом деле защиты родины.

Бажено отметил, что те инонациональные этнические элементы, которые смешивались с древнерусским народом, скоро усваивали не только язык, культуру этого народа, но перенимали и его любовь к Руси, чувство патриотизма, разделяя беспокойство за судьбы своей новой родины. В этом отношении показателен рассказ Ипатьевской летописи (1151 г.) о черных клобуках, которые, поселившись на южном пограничье, в минуту опасности заявили о готовности за Русь, «...за всю братию и головы своя сложити»⁵⁰.

И в отношении чувства патриотизма «Слово о полку Игореве» является памятником того времени, когда это чувство достигло наибольшей силы в древнерусском народе. «Слово о полку Игореве» — одно из ярких проявлений наличия элементов устойчивой культурной общности древнерусского народа.

С патриотизмом и любовью к родине связаны и чувства национального достоинства, национальной гордости за свою страну, за свой народ. Этим чувством проникнута «Повесть временных лет», им руководствуется и современник древнего летописца — Илларион, автор «Слова о законе и благодати». Он с гордостью указывает: «Не в худе бо и не в неведоме земли владычествоваша, но в Русьской, яже ведома и слышима есть всеми концы земли»⁵¹.

Черты национального характера древнерусского народа в сложных исторических условиях XI—XIII вв. получили свое дальнейшее развитие, обогатившись, сделавшись более устойчивыми. Находят свое проявление, особенно со второй половины XI в., такие черты, как терпение и трудолюбие. Эти черты вырабатывались и в годы жизни, борьбы и трудовой деятельности на бесплодных южных землях, когда не раз приходилось восстанавливать то, что было разрушено во время княжеских усобиц или набегов кочевников. Черты эти складывались и в великой, упорной работе по освоению новых земель в лесистой Северо-Восточной Руси, куда с конца XI в. древнерусский крестьянин принес с юга и северо-запада земледелие, превратив здесь лесные пространства в пахотную землю.

Свободолюбие стало также национальной чертой древнерусского человека. Он готов был бороться не только против иноземных поработителей. Он восставал и против «своих», местных угнетателей.

Элементы специфических особенностей древнерусского стиля в различных областях культуры в это время значительно окрепли и оформились. Б. А. Рыбаков в одном из своих исследований устанавливает, что в прикладном искусстве в это время «существовал один и тот же стиль. Каждый мастер, каждый художник,— говорит Б. А. Рыбаков,— знал,

⁴⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 167.

⁵⁰ Ипатьевская летопись, 1151.

⁵¹ «Памятники древнерусской церковно-учительской литературы», в. 1.

что и как делают его собратья, и все они мыслили одними образами»⁵². В народном зодчестве получают свое развитие и тип древнерусского жилища, и особенности его оформления. С появлением каменного зодчества (жилых зданий, церквей, оборонительных сооружений) эта традиция продолжала сохраняться и развиваться. Широкой волной с конца XI в. хлынули народные, местные начала в искусство древней Руси. Развитие городов, ремесел, вызвавшее появление артелей мастеров-строителей, живописцев и т. д., способствовало проникновению в произведения искусства черт народного творчества. Однако влияние местных начал в архитектуре древней Руси, хотя и вносило разнообразие в формы, приемы, все же сохраняло элементы общей национальной основы укрепляя ее. При всем разнообразии это были только местные вариации единой культуры древнерусской народности.

В живописи также сказалось влияние местных, народных вкусов, форм, а вместе с тем сохранялись и элементы специфики древнерусского искусства. Эти особенности нашли свое выражение в знаменитых фресках церкви Нередицы в Новгороде; таковы, например, бытовые подробности в композиции Крещения (фигуры сбрасывающего рубашку и плывущего в Иордане), а также в изображении страшного суда.

Прочно в это время вошли в быт некоторые этнографические особенности, сохранившиеся затем до XX в. Так, например, из рисунка на Псковской рукописи XII в. можно установить характерные особенности будничной рабочей одежды крестьянина.

Укреплению, устойчивости культурной общности способствовало и экономическое развитие страны с конца IX в., со времени образования Киевского государства.

Выше уже отмечались успехи в социально-экономической жизни древней Руси IX—XIII вв.: наряду с укреплением феодального землевладения, сельскохозяйственной техники и производства — рост ремесла, с отделением его от сельского хозяйства, рост городов, ставших экономическими центрами в политически раздробленной стране. Вокруг этих центров возникали местные рынки, охватывавшие территорию радиусом в несколько километров, а позже — десятков километров. Денежная система и меры веса, длины, сыпучих тел и жидкостей также содействовали установлению связей между местными рынками. Приток поселенцев в города, вызывая развитие ремесел, вместе с тем содействовал расширению местных рынков. Росла противоположность между городом и деревней. Эти явления наблюдались по всей стране.

Создание местных рынков стало возможно в результате экономического развития страны; вместе с тем расширение и укрепление товарного производства в IX—XII вв., при феодальном строе, в свою очередь было симптомом нового подъема производительных сил страны. Возникновение местных рынков, расширение их и превращение затем в крупные областные рынки должно было привести к концентрации их в будущем в единый национальный рынок, с которым связано появление устойчивой экономической общности. Образование и развитие местных рынков в связи с расширением товарного производства и ростом городов в древней Руси — все это были элементы развивающейся экономической общности.

Консолидации древнерусской народности способствовало расширение экономических связей между отдельными землями Руси. Следует обратить внимание на карту районов сбыта овручских шиферных пряслиц в XI—XIII вв. по Б. А. Рыбакову. Граница распространения этих пряслиц в основном совпадает с этнографической границей русских поселений. Такой же район сбыта имели и стеклянные браслеты, изготов-

⁵² Б. А. Рыбаков, Прикладное искусство, «История культуры древней Руси», II, стр. 320.

ленные в Киеве, пряжки, крестики, образки и т. д. Литые в одной форме крестики, изделия одного мастера, например, найдены под Киевом, под Тверью, у Гомеля и около Костромы⁵³. Несмотря на то что в условиях господства феодальных отношений и натурального хозяйства это были пока только элементы экономической общности, их появление и развитие весьма положительно сказывались на всех остальных элементах этнической общности, способствуя их внутреннему упрочению.

Все это были успехи, говорящие о расцвете единой древнерусской народности, о ее внутреннем упрочении в IX—XIII вв.

Нет никаких оснований утверждать, что феодальная раздробленность привела к распаду древнерусской народности, что еще до XIII в. началось образование трех новых народностей. Исторические источники не подтверждают таких выводов. Б. А. Рыбаков, например, на основании археологических материалов города и деревни древней Руси XII—XIII вв. решительно заявляет, что «мы не можем уловить признаков распада древнерусской народности на три группы, соответствующие великоруссам, украинцам и белорусам»⁵⁴.

* * *

Росту производительных сил начинали все больше мешать условия политической раздробленности. «Союз королевской власти и бюргерства,— указывает Ф. Энгельс,— ведет свое начало с X века; нередко он нарушался в результате конфликтов..., но все же этот союз, возобновляясь, становился все крепче, все могущественнее...»⁵⁵

Особых успехов на Руси эта тенденция достигла во второй половине XII в. Расцвет древнерусской народности, ее общее развитие, с одной стороны, сила внешней опасности, равной которой не знал в это время ни один народ Западной Европы, с другой стороны, обусловили все нарастающее требование национального единства, преодоления политической раздробленности, создания сильной княжеской власти. Ни в одной стране тогдашней Европы это требование не прозвучало с такой силой, как в древней Руси, в бессмертном «Слове о полку Игореве». Создание сильной княжеской власти было решающим условием, от которого на данном этапе зависело и успешное этническое развитие древнерусского народа. Ведь на Руси, как и во всей средневековой Европе, эта власть, по определению Ф. Энгельса, «была представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства»⁵⁶. С ней было тогда связано все передовое. Об этом говорили призывы «Слова о полку Игореве» к единению; это подтверждают и тенденции к «самовластию», проявлявшиеся все ярче в деятельности князей Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского, Ярослава Осмомысла, Романа Мстиславича, Всеволода Большое Гнездо, Даниила Романовича.

Древнерусская народность одной из первых в Европе стояла на пути к консолидации в единую нацию. Однако в середине XIII в. этот процесс был нарушен и на некоторое время заторможен. Древнерусская народность очутилась перед угрозой гибели в известных условиях XIII в. и последующего времени. В этих условиях и произошел распад дотоле единой древнерусской народности. Отдельные территории ее земель были оторваны от Северо-Восточной Руси и разорваны на части; они стали добычей польских, литовских, затем турецких и татарских захватчиков.

⁵³ «История культуры древней Руси», т. I, стр. 356—358.

⁵⁴ Б. А. Рыбаков, К вопросу об образовании древнерусской народности. Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК..., стр. 21.

⁵⁵ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, 1952, стр. 158.

⁵⁶ Там же.

Однако и в новых условиях древнерусская народность не исчезла, не прекратила своего существования. Отдельные части народности попали в различные инонациональные государственные образования, с разным уровнем общего развития, с различным характером производительных сил, образом жизни населения этих государств. Оторванные части потеряли возможность поддерживать регулярные связи между собой. В данном случае возможны были два исхода — гибель народности, ее скрещение с другой, победительницей, и растворение в ней или же возобновление этнического бытия и развитие в рамках оторванной части в борьбе за свое существование, за восстановление былого единства. Но ни одна из оторванных частей не погибла. Социально-экономическое развитие Руси в период феодализма, в тяжелое время татарско-монгольского нашествия, как указывают одобренные ЦК КПСС тезисы к 300-летию воссоединения Украины с Россией, привело к обособлению отдельных частей древнерусской народности.

Устояла Северо-Восточная Русь. С началом борьбы за образование централизованного государства она продолжала процесс своего этнического развития: здесь уже в XIV в. из корня древнерусской народности возникла новая, великорусская народность. Вскоре эта часть древнерусской народности на востоке Европы начала играть выдающуюся роль, сумев одновременно со странами Западной Европы прийти к созданию своего централизованного государства, обеспечившего защиту и возможности развития также и соседним, более слабым народам Восточной Европы. Вместе с тем великорусский народ решил и другую задачу всемирно-исторического значения, навсегда освободив Европу от угрозы агрессии и порабощения со стороны Золотой Орды.

Постепенно из того же корня единой древнерусской народности образовались еще две народности — украинцы и белорусы. Таким образом, на базе древнерусского народа возникли три братские народности с присущими им особенностями языка, культуры и быта, в основе которых лежали достигшие ранее определенной внутренней прочности элементы этнической общности. Эти успехи трех новых народностей объясняются их социально-экономическим развитием; однако их внутренняя прочность и устойчивость обуславливались высоким уровнем этнического развития, той степенью внутренней устойчивости, которой достигла их общая основа — древнерусская народность за время своего расцвета с конца IX до первой половины XIII в.

За много столетий обособленного существования братским народностям пришлось пережить великие испытания. Однако, несмотря на это, русский, украинский и белорусский народы сохранили и пронесли через века сознание единства происхождения, близости языка и культуры, сознание общности своей судьбы. Вслед за старшим братом — русским народом — украинский и белорусский народы начали борьбу против чужеземных поработителей, за восстановление былого единства, за воссоединение в едином Российском государстве.

Воссоединение Украины с Россией явилось закономерным результатом всей предшествующей истории братских народов. Актом воссоединения украинский народ закрепил исторически сложившуюся связь с русским народом, в лице которого он нашел великого союзника, верного друга и защитника в борьбе за свое социальное и национальное освобождение.

Крепя братский союз и дружбу, эти народы под водительством Коммунистической партии вместе со всеми народами СССР построили социализм и уверенно идут к торжеству коммунизма.